Финал новогодней пьесы

Автор:
Яна Дубинянская

Финал новогодней пьесы

Яна Юрьевна Дубинянская

Хорошо там, где мы есть. Где сбываются наши мечты, а жизнь идет как по писаному пером выдумщика-драматурга. Но хочется ли остаться в этом придуманном мире? Или вернуться, чтобы самому дописать финал рождественской сказки – новогодней пьесы?

Яна Дубинянская

Финал новогодней пьесы

Часть первая

Глава I

Журналисточка была весьма и весьма смазливая. Аккуратное овальное личико, атласная каштановая челочка до самых бровей, большие блестящие глаза с длиннющими ресницами и к тому же родинка над четко очерченной верхней губкой. Журналисточка то и дело задумчиво подносила шариковую ручку к маленькому ротику, округляя его буквой «о», и, разумеется, знала, что выглядит в этот момент безумно сексуально.

А вообще-то, честно признала Марша, – она, эта журналисточка, была по-настоящему красивая.

И Франсис, естественно, не мог этого не заметить.

Журналисточка лукаво повела бровями, покусывая ручку, а Франсис небрежно пригладил указательным пальцем усы. Еще неделю назад там было нечего приглаживать, зато кололось более чем чувствительно. Вспомнив об этом, Марша усмехнулась и решила не обращать внимания на барышню напротив. И вообще, следовало бы сосредоточиться.

Хотя Три мушкетера по-прежнему отмалчивались, – несмотря на то, что в анонсе пресс-конференции упор делался именно на их имена. За длинным столом восседали также директор и главный режиссер театра, оба с юными пресс-секретаршами, тощая пожилая дама-помреж и сценический красавец Артур Кларидж, – в миру, как оказалось, довольно потрепанный жизнью блеклый веснушчатый блондин, едва заметный за клубком кабелей, микрофонов и диктофонов.

И все они с наслаждением разглагольствовали о предстоящей премьере и на смежные темы, греясь в лучах теплого желтого света над столом. В остальной части помещения свет был нормальный, белый, и снующие мимо Марши телеоператоры тихо ругались, поминутно меняя баланс камер. В подобные тонкости ее посвятил Франсис, за три года работы менеджером пресс-центра изучивший всю подноготную таких сборищ, как он это называл.

Марша улыбнулась. Франсис сидел рядом, она видела его в профиль. Красивый, энергичный, стремительный. Ее мужчина.

А Три мушкетера молчали – такое чувство, что вся эта пресс-конференция забавляла их не меньше, чем Франсиса. Только в самом начале невысокий, квадратный, подозрительно черноволосый Филип Фальски объявил, что им, драматургам-соавторам, совершенно невыгодно убивать интригу, заранее излагая сюжет пьесы. Больше они не проронили ни слова.

Но Франсис говорил, что с пресс-конференции надо брать абсолютно все, а уже потом разбираться, что из взятого можно использовать. Что ж, Марша пыталась

так и делать. С переменным успехом.

– Бен Уэст, Си-Эн-Би. У меня вопрос к господину директору. Прогнозируете ли вы, что новая пьеса даст большие сборы, нежели «Снежинка и Музыкант»? И если да, на чем основаны ваши предположения?

Директор театра говорил так быстро, словно отстреливался из пулемета, и Марша сокращала слова до одной-двух букв, понимая, что вряд ли потом сумеет что-либо понять в этих записях. Она попыталась отыскать взглядом свой диктофон в общей груде звукозаписывающих устройств. Вроде бы удалось, только на нем одном была ярко-зеленая петелька, – но горит ли лампочка, отсюда все равно не разглядеть. И Марша – черт его знает, почему, – могла бы поклясться, что не горит.

– Тина Паркинсон, «Театральная жизнь». Когда вы планируете начать репетиции на большой сцене?

Журналисточка изящно перегнулась через стол и шепотом спросила Франсиса:

– Вы из какой газеты?

– «Древняя башня», – он и глазом не моргнул, называя элитарный и страшно дорогой столичный журнал. Барышня изумленно подняла тонкие бровки, и они скрылись за блестящей, волосок к волоску, челкой. Ну как, скажите, можно уложить волосы настолько гладко? У Марши это никогда не получалось. Никогда.

– А я из «Обозрения», – шепнула журналисточка. – Вы, наверное, не знаете, это небольшая газета.

– Лу Эванс, «Светский вестник». Господин Кларидж, вы не впервые играете главную роль в пьесах, принадлежащих перу этих авторов. Скажите, чем для вас интересен новый образ и будет ли по-прежнему вашей партнершей…

На букве «р» в фамилии «Кларидж» кончилась паста. А актер, как назло, отвечал пространно, приводя любопытные подробности из собственной и чужой личной жизни. А впрочем, ну его. Ее интересуют прежде всего драматурги. Три

мушкетера, и точка.

Она прикрыла глаза и попыталась проговорить про себя заготовленный вопрос. «Марша Брассен, свободный журналист…»

– Интересно, должно быть, работать в таком журнале?

Шепот журналисточки звучал мягко, ласково, вкрадчиво. Прилизанная кошечка. Ее тонкие пальчики – разумеется, с безупречным маникюром темно-вишневого цвета, – меленько барабанили по столу слишком близко к большой узкой руке Франсиса. Ну сколько можно, в конце концов?

Марша протянула руку и положила сверху на его кисть. И с привычным ироническим удовлетворением оглядела собственные пальцы – вот, как раз такие один писатель-классик называл похожими на сосиски. И маникюр никак не сделать, потому что ногти расходятся вверх в форме трапеции, и нижние фаланги заметно поросли рыжими волосками…

Зато на безымянном пальце, – или безымянной сосиске, если хотите, – обручальное кольцо.

Журналисточка заметила это и больше не интересовалась преимуществами работы в элитарном журнале «Древняя башня».

– Господа журналисты, время пресс-конференции истекает. Последний вопрос, пожалуйста.

Марша вздрогнула. Как это?! Вопрос, ее вопрос… Тот самый, по которому Три мушкетера запомнят ее, оценят эрудицию и остроумие, и после никак не смогут отказать в эксклюзивном интервью… Интервью драматурги-соавторы давали редко, предпочитая отмалчиваться или отшучиваться на таких вот пресс-конференциях. Оно должно было стать неплохим началом журналистской карьеры Марши…

«Не тушуйся, не спи и ломись напролом, – сказал Франсис накануне. – Они все так делают, эти журналюги. У тебя все получится».

Она лихорадочно вскинула руку. Вопрос… Надо срочно вспомнить точную, красивую формулировку… «Марша Брассен, свободный жур…»

– Лара Штиль, «Обозрение». У меня вопрос к господам Мушкетерам. Откройте секрет – как вы пишете втроем?

* * *

Ну вот, а он уже поверил, что сегодня этого вопроса не зададут.

На коленях у Джозефа Сведена лежала книжка. Маленькая, в мягкой обложке. Даже если бы она соскользнула на пол, когда он поднимал глаза и улыбался телекамерам, журналисты все равно ничего бы не заметили. Нагнулся бы потом, – мало ли, может, шнурок развязался…

Джозеф вздохнул и продолжал читать. На классический вопрос традиционно отвечал Филип Фальски. Фил пожимал плечами и, бесхитростно глядя в глаза очередному «оригиналу», выдавал барабанной дробью:

– Очень просто. Как братья Гонкуры. Пока Эдмон бегает по театрам, Жюль стережет рукопись, чтобы не украли соседи.

Иногда журналист не понимал, что из него делают дурака, и серьезно задавал встречный вопрос: «А третий?» Но чаще эту фразу весело выкрикивал кто-нибудь с места. Так или иначе, отвечать приходилось, и это обычно делал Альберт Сон.

Ал выпрямлялся во весь рост – два ноль пять, это всегда впечатляло аудиторию. В наступившей тишине пролетали мухи и звучал негромкий голос Альберта:

– Но ведь кто-то и писать должен.

Джозеф в этой комедии не участвовал, поэтому сейчас со спокойной совестью вернулся к раскрытой книжке на коленях. Хотелось бы дочитать хотя бы кульминационную главу, остальное можно по диагонали просмотреть в метро. С тем, чтобы, вернувшись домой, сразу сесть за проверку ученических сочинений и безошибочно вычислить, кто из пятнадцатилетних оболтусов удосужился

прочесть программное произведение, а кто решил, что Шведу покатят и фантазии на тему двух страничек критики из учебника.

В зале грохнул взрыв смеха по поводу ответа Фила, и Сведен поморщился, пытаясь отключиться от посторонних звуков, – чтобы сосредоточиться на школьной книжке.

И чтобы не слышать этого: «Но ведь кто-то и писать должен»…

Он вздрогнул, обнаружив, что все вокруг начали подниматься с мест.

– Пресс-конференция окончена. Напоминаю, что сегодня с нами были известные драматурги Джозеф Сведен, Альберт Сон и Филип Фальски, – всеми любимые Три мушкетера, – а также…

Джозеф поморщился. Вульгарная кличка «Три мушкетера» коробила его еще больше, чем школьное прозвище «Швед», – наверное, потому что она обычно звучала в гораздо более официальной обстановке. На самом деле у них не было общего псевдонима, хотя Ал часто шутил, что «Сведен, Сон и Фальски» звучит примерно так же, как «Смит, Браун и сыновья». Но они были уже слишком популярны, чтобы что-то менять. Однако это нелепое «господа Мушкетеры»… черт возьми!

Вокруг замельтешили фотографы и телеоператоры, стараясь запечатлеть героев будущих репортажей в более-менее неформальной обстановке. Джозеф пробирался к выходу, – пожалуй, чересчур стремительно, – но горький опыт учил, что именно на таких «неформальных» кадрах можно запросто оказаться в опасной близости к какой-нибудь смазливенькой барышне. Хельга этого не понимала. То есть, она скорбно твердила, что все понимает, но ведь были соседки и сослуживицы, покупавшие те же газеты и смотревшие те же каналы. В общем, без последствий подобные накладки не оставались.

Ни Фил, ни Альберт не были женаты!..

– Господин Сведен, простите, можно вас на минутку…

Он резко обернулся. Что там еще?

Девушка была приземистая и округлая, как бочонок. Неопределенно-светлые растрепанные волосы, бесцветное лицо в бледных веснушках. На ней болталась бесформенная клетчатая рубаха, а толстые бедра обтягивали, треща по швам, потертые джинсы. Абсолютно незапоминающийся образ, профессионально отметил он. Единственное яркое пятно – зеленая петелька от диктофона на запястье.

Та-ак, диктофон.

– Меня зовут Марша Брассен, – ну разумеется, эти знакомые нахальные журналистские интонации, – я свободный…

Мимо прошел Филип, оживленно беседуя с директором театра. Джозеф поискал глазами Ала, что было нетрудно, – высоченный соавтор прислонился к стене по ту сторону стола, а рядом, запрокинув голову, едва не подпрыгивала симпатичная девчушка, вооруженная таким же точно диктофоном. Что ж, Альберту можно. Он никогда не упускал подобных ситуаций с участием привлекательных девиц, – и, что характерно, после этих знакомств никаких интервью в прессе не появлялось.

Джозеф повернулся к блеклой представительнице самой свободной в мире профессии и предельно учтиво произнес:

– Госпожа Брассен, я не даю интервью.

Собственно, ему было безразлично, расплачется она или нет. Хотя очень на то походило. Примерно так же дрожат подбородки у барышень, приходящих на экзамен, не имея ни малейшего представления о биографии Шекспира. А потом по школе ходят легенды о зверствах Шведа, – и что прикажете делать?

Он вспомнил о кипе сочинений на своем письменном столе. Два класса, это как минимум штук сорок, – если не все сдали. Работы часов до трех ночи, не меньше.

И еще: «Но ведь кто-то и писать должен»…

– Господа журналисты! – разнеслось по залу.

Полуплачущая девушка повернула голову, и Сведен, воспользовавшись этим, продолжил двигаться к выходу.

– Желающих получить аккредитацию и билеты на новогоднюю премьеру спектакля по пьесе Сведена, Сона и Фальски «Жизнь и мечта» просим подойти к столу.

Джозефу пришлось распластаться по стене, спасаясь от совершившей резкий поворот на сто восемьдесят градусов человеческой лавины. Вот ради этого вы сюда и пришли, зло подумал он. Как всегда. И саркастически усмехнулся – он был уверен, что объявление об аккредитации и билетах запоздало не по недосмотру, а потому, что обслуживающий персонал пресс-центра разделяет его, Сведена, чувства. Неплохая шутка: заставить побегать всех этих бумаго- и пленкомарателей. Послышался крик, затем ругательства, – похоже, в давке едва не разбили чью-то камеру, – и к месту происшествия бросился красивый парень с небольшими усами, видимо, здешний служащий. Джозеф заметил, что по пути парня пыталась остановить та самая серенькая девица в джинсах, но он не обратил на нее ни малейшего внимания.

Теперь точно разревется.

Да, кстати, – сорок сочинений.

Он вышел в вестибюль. Тут было на удивление безлюдно, только несколько телеоператоров угрюмо складывали штативы. У самого выхода Филип все еще беседовал с директором театра. Тот понимающе кивал и периодически делал знаки молоденькой пресс-секретарше, которая записывала распоряжения в блокнот.

«Пока Эдмон бегает по редакциям… тьфу, по театрам…» Чистая правда. Организационными вопросами всегда занимался Фил.

Поравнявшись с этой троицей, Джозеф вежливо поднял руку в знак прощания, но Филип, не оборачиваясь, жестом попросил его остаться.

Какого черта?!

Неплохо было бы высказать это и кое-что еще вслух, но Сведен только пожал плечами и, присев на подоконник, раскрыл свою программную книжку.

И практически дочитывал ее, когда Фил наконец распростился с директором и его секретаршей. Все это время вестибюль пересекали по одному и небольшими группками счастливые аккредитованные и обилеченные журналисты. Джозеф воспринимал их боковым зрением как безликие и бесплотные тени, так что черт его знает, достался ли билет бочкообразной обиженной дурочке…

– Скучаешь, Джо?

Одна из теней подлиннее оказалась Алом. Соавтор боком опустился на подоконник и послал в окно воздушный поцелуй. Джозеф не стал спрашивать, кому.

– Значит так, ребята, – деловым тоном начал Фил. – Дата премьеры назначена, пригласительные распределены, билеты вот-вот поступят в продажу. Наш процент я отстоял, этот гад хотел спустить на тормозах и зажать чуть не половину. Кларидж и его девчонка готовы, она даже отказалась от какого-то там турне. Для декораций удалось заполучить самого Меннерса, это большая удача. Костюмы… ладно, на днях утрясу. Так что…

Он сделал паузу, перевел дыхание и закончил:

– Так что нам осталось только написать эту чертову пьесу.

* * *

Раскрутить Сона на рукопись пьесы так и не удалось – а жаль.

Собственно, было бы достаточно просто пробежать по диагонали первое действие, чтобы накатать строк на двадцать интригующий анонс и пустить врезом к интервью. Получилось бы самое то, что надо.

Лара Штиль пожала плечами, вспоминая жалкие, неубедительные отговорки драматурга. Как в той сказке про слоненка: удивительно, как это некоторые не понимают собственной выгоды! Или же цитата попроще: сам дурак.

Лара повернула ключ в замке входной двери, распахнула створку и, не переступая порога, запустила руку внутрь и нашарила на стене выключатель. Не то что бы она действительно боялась темноты… просто неуютно и неприятно – эта пустая черная прихожая изо дня в день. Но не оставлять же свет включенным круглые сутки. Глупо и накладно.

Сегодня по дороге домой она чуть было не попала под грузовик. Жутко перепугалась… хотя нет, в тот момент не успела, а дрожать задним числом может только законченная невротичка. Конечно, сердце застучало раза в полтора быстрее… а потом, когда она уже шагала через заснеженный парк, в голову полезли всякие довольно смешные мысли. Вот если бы тот грузовик занесло на пару метров подальше, – все-таки гололед опасная штука, – вот если бы? Соседи по площадке решили бы, что она уехала в командировку, – конечно, деловая женщина, журналистка. Раньше чем через две недели никто бы не спохватился. На работе… девяносто процентов, что ее отсутствие приняли бы за демонстративное увольнение по собственному желанию, если вспомнить вчерашнюю очередную ссору со Стариком. Друзья, – назовем их так, не жалко, – может, нагрянули бы раз-другой в гости, поцеловались с замком и успокоились на ближайший месяц. Ну, а с матерью вообще глухой вариант, они уже полгода не переписывались…

Поднимаясь по лестнице, Лара вслух рассмеялась. Дура. Все было бы совсем не так, у нее же при себе служебное удостоверение и штук двадцать визиток. Уже завтра утром в редакцию бы позвонили, Рокси бы вскрикнула, а Вероника, подслушав разговор по параллельному телефону, громко разрыдалась бы, чтобы предоставить Бобу возможность принести ей воды. Старик со скорбной физиономией внес бы в квартальную смету расходы на похороны, и все. Нет, не все: дали бы некролог на последней полосе. Строк на пятнадцать. Или же на сорок с фотографией, – если бы «Обозрению», как всегда, катастрофически не хватало материалов в номер. Теперь все.

А вообще, последний раз она фантазировала на тему собственной смерти лет в восемь. Дорожно-транспортное происшествие, к тому же несостоявшееся – еще не повод впадать в детство.

Лара вошла в прихожую и повесила на крючок пушистую белую шубку. Мельком взглянула в зеркало: на волосах переливались крупными каплями бывшие снежинки, а челка распалась на отдельные пряди. В такую погоду надо бы ее

все-таки лакировать… а ну его, жалко портить волосы. Отражение в зеркале само по себе сложило губки буквой «о», и Лара громко расхохоталась. Ну красивая, красивая… Знаешь ведь, что никому нет до этого дела.

Тот журналист из «Древней башни» по-настоящему понравился ей, – и что с того? Очередное подтверждение давно открытого правила: всех, кто способен ей понравиться, давно расхватали такие вот бесцветные дурнушки, лоснящиеся от самодовольного чувства собственности.

И пусть их.

Надо работать.

Но сначала она все же прошла в ванную, там, держа руки под горячей водой, решила, что очень замерзла, и забралась под душ. И только через полчаса, в махровом халате и с полотенцем на мокрых волосах, Лара устроилась с ногами в кресле перед компьютером.

Жалко все-таки, что не получилось просмотреть рукопись пьесы. Придется привязать начало к чему-нибудь другому. Например, к этому неофициальному псевдониму Сведена, Сона и Фальски – Три мушкетера. Кто из них кто? Вернее, кто из них Альберт Сон? Так, вроде бы неплохая идея…

«Огромный рост Портоса, благородная бледность Атоса и утонченная хитрость Арамиса в глазах. Таким образом, Альберт Сон в интервью нашей газете с полным правом выступает от имени всей отважной троицы из любимого романа. А значит – и от имени знаменитого триумвирата драматургов…»

Не стоит. Черт его знает, какие у них на самом деле отношения. Кто-нибудь, – этот Фальски, например, – может придраться к какой-то запятой, идущей якобы от его имени, – и подать, чего доброго, в суд…

Ей захотелось есть. Действительно, что за работа на голодный желудок. Лара стерла написанные строчки, выключила компьютер и направилась на кухню, прихватив диктофон с наушниками. В процессе приготовления ужина можно, чтобы не терять времени, прослушать кассету перед расшифровкой.

«– Лара Штиль, «Обозрение». Господин Сон, не могли бы вы… – Мог бы. Для вас – все, что угодно».

Она распахнула холодильник и придирчиво оглядела содержимое. Связываться с килограммом мороженой рыбы не хотелось. Вообще-то сама она ни за что не купила бы эту гадость, но Рокси с обворожительной улыбкой сообщила, что сразу после работы идет на концерт, а редакционный холодильник, как назло, не работал. Конечно, можно было бы отказаться, улыбнувшись еще обворожительнее, но через пару дней Лара собиралась просить Рокси взять на себя заказуху с министром культуры. Ладно, на выходных придется повозиться с этой камбалой. На верхней полке долеживал свое коротенький хвостик копченой колбасы. Лара извлекла его, а также две отваренные вчера утром картофелины в мундирах, полбатона и банку с майонезом.

Роскошный бутерброд на ужин готовится так:

Треть разрезанного вдоль батона. Тонкий слой майонеза. Нарезанная кружочками картошка, посыпать солью, опять тонкий слой майонеза. Два прозрачных кольца колбасы, после чего оставшийся хвостик можно выбросить. Тонкий слой майонеза, вторая картофелина. Посолить и теперь уже как следует намазать майонезом. Поколебавшись, Лара очистила пару долек чеснока и, нарезав микроскопическими колечками, увенчала ими сооружение.

Сегодня уже не придется брать интервью и тем более целоваться.

Она поставила на плиту чайник и, облизнувшись, поднесла супербутерброд к широко раскрытому рту.

«– Господин Сон, помните тот вопрос, который я задала на пресс-конференции? Вы с господином Фальски неплохо отшутились, но я уверена, что это не единственный вариант… – Вы знаете, я тоже уверен. Но…»

От бутерброда оставался крошечный огрызок, когда последний картофельный кружочек выскользнул из-под измазанных в майонезе пальцев и шлепнулся на пол. Лара тихо чертыхнулась.

От кассеты в диктофоне осталось тонкое колечко непрослушанной пленки, когда стало понятно, что интервью никуда не годится.

Лара медленно стянула наушники, и дружелюбный, обаятельный голос Альберта Сона превратился в далекий неразличимый лепет. Окутанный паром чайник выкипел до дна и сменил укоризненное бульканье на угрожающие шипение и свист. Лара автоматически протянула руку к плите и повернула вентиль.

Но как же это?

Когда они болтали в углу конференц-зала, игнорируя ломящихся напролом к вожделенным билетам газетчиков, радийщиков и телевизионщиков, это было так весело, легко, непринужденно. Высоченный драматург с прищуренными серыми глазами и русой бородкой оказался замечательным собеседником. Лара то и дело прыскала со смеху, как девчонка, новые вопросы рождались у нее экспромтом, цепляясь один за другой, и практически ни разу не пришлось прибегнуть к домашним заготовкам. Как будто она была знакома с ним всю жизнь, как будто они с детства росли на одних и тех же играх и книгах, как будто… Альберт Сон полностью раскрывался перед ней, и это было гарантией не то что удачного – замечательного интервью…

На пленке сохранились и ее нелепые смешки, и глупые вопросы, и его ответы – совершенно пустые, дешевые хохмы.

Такого с ней еще не случалось. Никогда.

Лара вернулась в комнату, села за компьютер и принялась расшифровывать кассету. До единого слова, до междометия, до запятой. Так или иначе, она обязана выжать из этого хоть что-нибудь. Пусть не на полосу, как она рассчитывала, – хотя бы на подвал этот чертов мушкетер должен был наговорить…

Пустая трата времени.

Кассета снова докрутилась почти до конца. Лара пробежала глазами расшифрованный текст и всерьез захотела плакать. Если такое интервью по недосмотру пойдет в номер, на следующий день она с треском вылетит из «Обозрения». И вообще, ни одна газета больше не возьмет ни строчки, подписанной Ларой Штиль.

Но как же?!

Такой умный, добродушный, большой и мужественный человек. Мужчина!

И она, озабоченная идиотка, доверчиво подставившая уши под километры отборных спагетти.

Естественно, он сделал это специально. Заболтал, обаял, заморочил голову, заставил пойти у него на поводу. Возможно, использовал и какие-то гипнотические приемы. Одним словом, виртуозно, со знанием дела поиздевался над ней.

Она нажала кнопку диктофона, и кассета поползла дальше, отматывая последние секунды.

«– Спасибо за интервью, господин Сон. – Пожалуйста. Кстати, что вы делаете сегодня вечером? Молчите, я сам угадаю. Вы будете расшифровывать эту свою кассету и крыть меня последними словами. А я тем временем буду ждать вас. В кафе «Плезир», в семь часов. – Господин Сон, я… – Естественно, вы не сможете, у вас же работа. Но это не имеет значения. Я буду ждать вас всю неделю, каждый день, там же, в то же время. Идет? – Идет!»

Скорее всего, он врал. Но Лара была готова прямо сейчас съездить в этот самый «Плезир» даже ради виртуальной возможности высказать этому мерзавцу все, что она о нем думает. И, если получится, дать по морде.

Не получится, по крайней мере сегодня. Она же вымыла голову и ела чеснок.

И уже восемь часов.

* * *

Было уже восемь часов.

Запах из просто вкусного стал совершенно потрясающим. Марша еще раз взглянула на часы, открыла духовку и наполовину выдвинула решетку.

Корочка из расплавленного сыра как следует запеклась и сделалась розоватой, а ближе к внутреннему краю духовки – даже светло-коричневой. Не вставая с корточек, Марша нащупала прихватку и развернула глубокую сковороду без ручки на сто восемьдесят градусов. Благоухающий пряностями соус пузырился и булькал на дне, – пожалуй, стоило дать ему выкипеть еще на самое чуть-чуть. Затем она попробовала ножом мясо – мягкое, все шесть слоев. Отрезала с краю микроскопический кусочек и положила в рот. Очень даже ничего. Можно было бы, конечно, добавить пару долек чеснока… нет, Франсис любит именно так.

Она выключила духовку, оставив мясо доходить внутри. Мелко нашинкованная зелень уже дожидалась в мисочке, – «посыпать перед подачей на стол», написали бы в кулинарной книге. Книгами Марша не пользовалась никогда. По рецептам готовят лекарства в аптеке, а не ужин для любимого человека. Для мужа. Для Франсиса.

Восемь часов, время его возвращения с работы. Она, как всегда, подгадала с ужином точно. Чтобы не пришлось ни ждать, видя голодные глаза Франсиса и поминутно бегая на кухню тыкать ножом в твердое мясо, ни разогревать остывшее блюдо – вкус ведь уже совсем не тот.

Она протерла стол, расставила тарелки, еще раз, заглянув в духовку, оценила цвет сырной корочки, выключила свет и ушла с кухни. Запах был более чем аппетитный, а Марша и сама ощутимо проголодалась со времени короткого перекуса в буфете на работе Франсиса. Вареные сосиски с кетчупом, микроскопический салатик и немного картошки-фри – красиво нарезанной зубчатыми ломтиками, но явно недосоленной. Впрочем, Марша не смогла справиться и с этим, – после той проклятой пресс-конференции.

Был даже момент, когда, разрыдавшись, как последняя дура, она обвинила во всем Франсиса. Если бы он, менеджер пресс-центра, человек, с которым Три мушкетера договаривались о проведении конференции, если бы он попросил этого Сведена… Марша и сейчас передернула плечами и прикусила губу, заново переживая острое унижение от его насмешливого и презрительного: «я не даю интервью, госпожа Брассен». Франсиса он ни за что не послал бы подобным образом. Но, с другой стороны, причем тут Франсис? – это ведь ее будущая работа, ее карьера…

Муж, кстати, мог бы напомнить ей об этом, прервав поток несправедливых обвинений, – но вместо этого он сбегал к буфетной стойке и принес еще по

чашечке кофе, а кроме того – целую тарелку маленьких медовых пирожных. Все еще шмыгая носом, Марша улыбнулась и слабо запротестовала. Если при ее комплекции она будет к тому же баловаться сладостями… Франсис рассмеялся и, преодолев не слишком отчаянное сопротивление, сам затолкал пирожное в рот жены.

– Ешь, глупенькая, я же тебя люблю.

А потом он минут двадцать уговаривал Маршу, что ничего особенного не случилось, что для первого раза она вела себя молодцом, что Три мушкетера вообще никому не давали сегодня интервью… Как будто она не видела, как та журналисточка с родинкой вовсю щебетала с высоченным Альбертом Соном. Напоследок Франсис командным голосом приказал Марше не сдаваться, а идти домой, расшифровывать материалы пресс-конференции и, дополнив их имеющейся информацией о жизненном и творческом пути Трех мушкетеров, писать масштабную критическую статью.

– Я сегодня, возможно, чуть задержусь, так чтобы к моему приходу все было готово!

Марша честно старалась. Она действительно, готовясь к несостоявшемуся интервью, собрала довольно солидное досье на трех драматургов. Она видела на сцене почти все их пьесы, а на последний сенсационный спектакль «Снежинка и Музыкант» ходила дважды. Первый раз с Люси, которой стало скучно уже во втором действии, – Марша, конечно, не поддалась на уговоры подруги «уйти с этой мути», но шорох бесчисленных шоколадок, которыми Люси скрашивала свою скуку, не очень-то способствовал проникновению в суть пьесы. Второй раз они отправились в театр вдвоем с Франсисом, – он мужественно досидел до конца, аплодировал и даже заявил потом, что ему очень понравилось. Франсис, как и любой нормальный мужчина, не любил театр.

Но он любил Маршу.

Он любил ее – это было нелогично, немыслимо, невероятно. Франсис, с его синими-синими глазами, мягким вкрадчивым ртом, медальонным профилем и телом античной статуи, – должен был любить совсем другую женщину. Высокую, тоненькую, красивую. Он и любил такую, и не одну, множество таких, – раньше. Марша знала обо всех его прошлых привязанностях, иногда он даже подолгу

болтал с ней об этом, и ей в голову не приходило ревновать – к кому? К мертвому, побежденному ею самой прошлому?

Франсис и теперь не пропускал стройных ножек и смазливых мордашек. Прямо при Марше он мог строить кому-то глазки, болтать, флиртовать, ухаживать и даже назначать свидания, на которые не собирался идти. Дальше этого не заходило. Никогда. И никогда не зайдет, – Марша знала это абсолютно точно и поэтому всегда спокойно смотрела сквозь пальцы на его невинные шалости. Ну, почти спокойно. Почти всегда.

Масштабная критическая статья не получилась. Марша перелопатила все газетные и журнальные вырезки, прослушала кассету, на которой только две-три фразы принадлежали Трем мушкетерам и всего лишь несколько высказываний других участников пресс-конференции напрямую касались драматургов и их новой пьесы. Сосредоточившись, освежила в памяти собственные впечатления от «Снежинки и Музыканта». А потом села за стол и добросовестно исписала восемь страниц.

Перечитала написанное, скомкала и выбросила в мусорную корзину.

Не то что бы ей было стыдно показывать это Франсису. Наоборот, он бы скорее всего одобрил и дал бы несколько адресов редакций, которые не прислали журналиста на эту пресс-конференцию. Но Марша, слава Богу, была в состоянии оценить свою писанину критически. Более чем средне – во всяком случае, далеко не тот материал, который с готовностью купят у никому не известной «свободной журналистки», выразив желание и в дальнейшем сотрудничать с ней. Интервью – это совсем другое, тут дело не столько в ней и в ее таланте, сколько в эксклюзиве как таковом. Собственно, Франсис сам все это ей доходчиво объяснил.

Франсис. Он у нее есть, ничего больше ей и не нужно. Просыпаться рядом с ним, раньше него, чтобы успеть насмотреться на полумесяцы сонных ресниц, сварить кофе и приготовить завтрак. Завернуть ему с собой термос горячего супа и домашнюю выпечку, – нельзя же, чтобы здоровый мужчина обедал теми страшными сосисками в буфете. Бежать к телефону, чтобы успеть снять трубку после первого же звонка: «Это я. Как ты там, солнышко?» И ужин. Новое, только ему, любимому мужу, предназначенное блюдо, которого нет ни в одной кулинарной книге. И обязательно точно к восьми…

Кстати, уже половина девятого. Франсис говорил, что задержится, но ведь она думала, что это минут на десять-пятнадцать. Полчаса – ничего себе «чуть-чуть»! Что ж, будет есть чуть-чуть теплое мясо. Сам виноват.

Журналистика – это тоже ради Франсиса. Женщина должна чем-то заниматься. Вот муж приходит домой, съедает приготовленный ужин, потом они перебираются в гостиную, устраиваются на диване, включают телевизор. И Франсис, растянувшись во весь рост и положив голову Марше на колени, рассказывает, какое наказание работать в этом сумасшедшем доме под названием «пресс-центр», и как он сегодня крупно поругался с директорисой, и как разговаривал по телефону с самим министром обороны, и как на прессуху партии «За свободу и народ» пришло всего два журналиста, и какие потрясающие ножки у секретарши главы пивной корпорации…

А Марша гладит, перебирает, накручивает на палец его густые светлые волосы – и молчит.

А если и заговаривает – так только о том, как чуть не подгорело запеченное мясо, как холодно было на улице, когда она ходила за продуктами, и, в лучшем случае, какой замечательный фильм показывали по седьмому каналу.

Рядом с такой женой ему должно быть смертельно скучно.

От такой жены он скоро уйдет.

Когда однажды ночью Марша – шепотом, чтобы не было слышно слез, – призналась Франсису в своих страхах, он расхохотался так громко, что, наверное, слышали соседи за стеной, а то, что происходило потом, наверняка разбудило соседей снизу. Однако на следующий день он принес с работы расписание пресс-конференций на следующую неделю.

– Ну что, моя пчелка, будем работать?

…Ничего, – раздельно проговорила про себя Марша, – в следующий раз у меня получится. Обязательно получится.

Она снова взглянула на часы. Восемь сорок пять.

Это начинало беспокоить. Если Франсис знал, что задержится так надолго, почему не перезвонил? Марша все время была дома, сначала в маленькой комнате, около самого телефона, потом на кухне, но оттуда тоже хорошо слышно звонок. Муж не звонил, это точно. Хотя там, на работе, у него, разумеется, нет времени ежесекундно помнить о жене. Франсис, конечно, предпочел побыстрее закончить со сверхурочными делами, а не отвлекаться на звонки. И будет дома с минуты на минуту.

Без пяти девять.

Марша взяла с журнального столика начатый вчера вечером детектив – на редкость тупой, но надо же как-то отвлечься. Франсис сейчас придет. С ним ничего не могло случиться, ни-че-го!..

Десять минут десятого.

На улице гололед, она сама поскользнулась утром на крыльце. Франсис за рулем, он не очень хорошо водит, он устал, он недавно жаловался на глаза…

Четверть десятого.

Вот сейчас зазвонит телефон. Незнакомый голос, скорее всего женский, в таких случаях звонят всегда женщины… «Квартира Франсиса Брассена? – Да, но его нет дома. Это его жена, вы хотели бы что-то передать?… – Госпожа Брассен, срочно приезжайте в такую-то клинику, слышите, госпожа Брассен, срочно!»

Если он еще жив.

Двадцать минут.

Грянул звонок, и Марша бросилась к телефону, споткнулась, ударилась бедром об угол тумбочки, снова споткнулась, зачем-то вернулась за тапочками, не смогла просунуть в них ноги… Подбежала, положила пальцы на трубку и целых два звонка не решалась ее поднять…

– Алло.

– Привет, Марша, это Люси. У меня потрясающие новости, ты сейчас упадешь…

Марша бессильно опустилась в кресло. Несколько раз автоматически, невпопад сказала «да». Отыскала взглядом стенные часы.

Почти половина.

На том конце провода Люси щебетала о чем-то, совершенно неразборчиво, будто на чужом языке. Франсис. Надо уже начинать обзванивать больницы. Сначала больницы…

И вдруг из прихожей послышалось негромкое лязганье ключей.

Щелкнул замок.

Зажегся свет.

– Я перезвоню тебе! – ликующим голосом крикнула Марша. Брошенная трубка не попала на телефон, но это уже не имело никакого значения…

Марша уткнулась лицом в заснеженную, морозную куртку Франсиса. Все хорошо, мир остался на месте, жизнь продолжается, муж вернулся с работы домой. Всего лишь. Он наклонился к ней, и недавно отпущенные усы щекотнули ей губы.

– Ну как ты, моя журналисточка?

Марша отступила к стене и уперла руки в округлые бока.

– Где ты шляешься, муж? Мясо остыло, жена соскучилась. Я уже думала, что ты загулял с какой-нибудь барышней…

Брови Франсиса взъехали вверх.

– Я?! Никогда в жизни! Хотя, не спорю, варианты были… Так, где мое холодное мясо?

…В одиннадцать Франсис выключил телевизор, пощекотал жену усами и отправился в душ. Марша постелила постель, погасила свет, оставив ночник под красным абажуром, и подошла к окну.

Шел снег, крупный, густой и почти горизонтальный. Марша представила себя там, внизу, внутри этой мягкой метели. То есть, не себя – другого человека, который идет по улице и, задрав голову, видит за сплошными снежинками темный прямоугольник огромного дома, усеянный крошечными квадратиками светящихся окон. Тот человек, конечно, не обратит внимания на тусклое, красноватое, затерянное где-то посередине маленькое-маленькое окно.

За которым прячется маленькое-маленькое хрупкое счастье.

Глава II

– Брысь, – с легким отвращением бросил Филип Фальски.

Неприятно, когда к только что выбравшейся из перчатки руке прикасается гладкий блестящий металл. Неприятно, когда этот металл теплее руки, – насекомообразное сооружение из тонких блестящих планок.

И вообще, неприятно.

Черт бы побрал Ала и все его мальчишеские штучки.

– Фу, Диез! Ко мне!

Голос хозяина донесся чуть ли не с другого конца улицы. Филип никогда и не пытался понять причин, побудивших одинокого мужчину на первые же заработанные им большие деньги – с чьей помощью заработанные, это отдельный разговор, – приобрести эти безразмерные апартаменты в особняке позапрошлого века. Стены поднимались вверх метров на шесть, а комнат было восемь или девять, – может быть, и больше, – каждая площадью с небольшой танцевальный зал. Впрочем, мебель, насколько Филипу было известно, имелась только в прихожей, спальне и рабочем кабинете, что значительно облегчало

работу двум барышням, которые поддерживали чистоту в этой холостяцкой квартирке. Филип не раз сталкивался с ними, – одна была совсем молоденькая, а другая, брюнетка, выглядела лет на тридцать пять, – и был уверен, что Ал спит с обеими. Что, разумеется, черт возьми, разумеется, было его личным делом.

Однако «Жизнь и мечта» – общее дело. Res publika, как сказали бы в Древнем Риме. На вчерашней пресс-конференции, а в особенности на последующих переговорах с директором театра Фальски чувствовал себя гладиатором на арене. Даже эта пигалица, не то Бетти, не то Пегги, директорская секретарша, влезла в разговор и невиннейшим голоском сообщила, что и ей было бы «страх как интересно» почитать новую пьесу. Само собой, девчонку заранее проинструктировали проявить это, прямо скажем, неуместное любопытство. То есть, земля уже начинала потихоньку тлеть под ногами.

Конечно, он не в первый раз заключал договор на постановку еще не написанной вещи. Главное – перетасовать будущих партнеров так, чтобы каждый считал недостаточно информированным только себя и, соответственно, боялся в этом признаться. Чтобы исполнитель главной роли был уверен, что режиссер уже читал пьесу и потому пригласил именно его, – кого же еще? – а режиссер, слушая разглагольствования звезды о новом образе, молча комплексовал, что какому-то актеру дали текст раньше, чем ему самому. И так далее, и так далее. Администрация же, как правило, и не стремилась ознакомиться с творческой стороной проекта, им хватало громких имен.

Но так далеко, как на этот раз, – с назначением даты премьеры, билетами и пресс-конференцией, – не заходило еще никогда.

Общее дело, как же. Вчера за всех отдувался он один.

– Фил, ну где ты там, проходи! – крикнул Альберт из глубин квартиры.

Филип отряхнул снег с бобровой шапки и повесил ее на разлапистый лосиный рог. Рогами была утыкана вся длинная прихожая: оленьими, буйволиными, антилопьими, Бог весть чьими. Еще одно мальчишество Ала. Он завел коллекцию лет десять назад, еще в своей старой чердачной комнатушке. Они тогда удачно обыграли этот момент в пьесе «Мой милый муж» – спектакль давно сошел со сцены, но тогда это был их первый настоящий успех. А шуточки гостей Ала по поводу рогов не иссякали до сих пор, доставляя ему колоссальное удовольствие.

Филип миновал две смежные комнаты, абсолютно пустые – огромные коробки, ожидающие, когда хозяин соизволит чем-нибудь их заполнить. До блеска натертый паркет и пыльная лепнина потолка, куда не так-то просто добираться уборщицам.

Альберт Сон сидел в кресле у камина, вытянув параллельно огню безразмерные ноги. Между потертыми джинсами и синими носками открывалось сантиметра три белой кожи, густо поросшей рыжими курчавыми волосами. Большой палец левой ноги выглядывал в дырку носка. Клетчатый свитер Ала с растянутым верхом тоже зиял прорехами минимум в двух местах, а лопатообразная рука драматурга лежала на блестящем нотном пюпитре.

Вернее, это пюпитр боязливо жался к хозяйской руке, чуть скосив набок тонкую металлическую перекладинку для нот.

– Убери его, – попросил Филип.

– Ты становишься занудой, Фил, – безмятежно сообщил Альберт. – Хуже Шведа.

Но поднял-таки руку и протяжно свистнул.

– На место, Диез!

Пюпитр засучил тремя никелированными ножками, издал пронзительный звук надорванной скрипичной струны и, мелко пританцовывая, засеменил в сторону спальни. У самых дверей он остановился, высоко подпрыгнул, смешно растопырив треножник, выдал длинную музыкальную руладу, несколько раз обернулся вокруг своей оси и боком скользнул в щель приоткрытой двери, которая тотчас захлопнулась за ним.

За этой дверью Филип не был. Никогда.

– Джо еще нет? – поинтересовался он.

– Как видишь, – Ал лениво потянулся. – Он звонил. Заменяет кого-то на уроке, опоздает минут на двадцать, – он зевнул. – Так что не гони лошадей, Фил.

Спокойно, приказал он себе, спокойно, двадцать минут ничего не решают, а умиротворенное выражение физиономии Сона – тем более. Хотя интересно было бы посмотреть, как бы он зевал, если б это ему пришлось вчера мирно беседовать с директором, секретарша которого воспылала интересом к драматургии. Филип незаметно прикусил губу. Спокойно, ты становишься чересчур дерганым, старик. Действительно хуже Сведена – так у того нервная работа и сварливая жена. Он, Фальски, избавлен хотя бы от второго.

– Садись, – предложил Альберт.

Стулья с массивными дубовыми ножками обнаружились у противоположной стены более чем просторного кабинета: Ал то и дело переставлял мебель с помощью своих девиц. Его личное дело, разумеется, – но мог бы и подумать, что сегодня придется работать, и работать втроем. Филип принес два стула – для себя и Джо, поставил у камина и сел, расправив фалды элегантного пиджака. Собственно, дело даже не в Альберте. Раздражала квартира сама по себе – огромная, пустая, нелогичная, словно бы не имевшая четких границ. И потом все эти штучки, – Фил покосился в сторону спальни.

– Как оно работает? – спросил он машинально, помимо желания.

Ал приподнял домиком лохматые брови.

– «Оно» не работает. Он живет.

Естественно, не стоило спрашивать. И не в первый раз он в этом убеждался. Квартирка, черт бы ее побрал! – но надо же где-то собираться. У Джозефа жена и дети, у него самого – гостиничный номер. Остается Ал, ничего не попишешь.

– Что ты вчера наговорил той газетчице? – поинтересовался он, круто меняя тему.

Сон улыбнулся одними глазами.

– Не переживай, ничего лишнего.

И добавил мечтательно:

– Но какая женщина, Фил!..

Дверь спальни скрипнула, приоткрывшись ровно настолько, чтобы в щель протиснулся боком сложившийся по вертикали пюпитр. Расправив нотную подставку, металлическое создание – аппарат, существо? – поскакало на трех ногах через смежные комнаты к выходу.

Несколько тоненьких никелированных палок. Неприятно.

– Джо пришел, – заметил Ал.

Через пару минут появился Сведен – запыхавшийся, спешащий. На его блекло-соломенных волосах таяли снежинки. Нечувствительный к холоду, Джо никогда не носил шапок и вообще довольно легко одевался всю зиму. Похоже, его предки действительно были северянами – но сам Джозеф если и напоминал викинга, то давно выродившегося и измельчавшего. Невысокий, щуплый, с белесым лицом и водянистыми голубоватыми глазами.

Пюпитр крался за ним, тихонько полязгивая каким-то плохо пригнанным сочленением.

– Диез, – негромко отозвал его Альберт. – Привет, Джо.

– Госпожа Полянски заболела, – пробормотал, не поздоровавшись, Сведен. – Математичка, я ее заменял в седьмом и девятом классах. Пять часов без единого окна.

Фальски поморщился. Было бы слишком большой роскошью выслушивать сейчас бесконечные жалобы Джозефа. Ал понимающе кивнул и достал ноутбук. Не вставая, откуда-то из-за камина. Да, ну и квартирка. Хотя пора бы привыкнуть.

– Значит, так, – начал Филип, пока Сведен устраивался на стуле, ерзая и мучительно вздыхая. – Директор вчера намекнул, что если репетиции не начнутся через неделю, нас не поймут. Так что придется поработать, даже если это кому-то не нравится.

И что за тон я взял, подумал он. Действительно, старик, становишься занудой не хуже Шведа. Гениально создаешь подходящую обстановку для совместного творчества.

Он выдержал паузу, набрал воздуха и заговорил заново:

– Есть потрясающая идея, ребята. Ну, не то чтобы очень… Но вместе мы вытянем! Значит, так. Герой – обычный среднестатистический мужик: работа, жена, дети… Мелкий адвокат или учитель, если ты не против, Джо. Ни денег, ни надежд на будущее. И вот под Новый год…

Ал громко хмыкнул.

– У нас коммерческий проект, – жестко пояснил Филип. – Новогодняя история, в меру фантастическая, в меру сентиментальная. «Жизнь и мечта», одним словом. С названием я помучился дай Боже, зато теперь под него можно подогнать все, что угодно. Не понравится – предлагайте свои идеи.

Черта с два они что-нибудь предложат. Идеи всегда принадлежали ему, и никому больше. Сведен был способен только выполнять черную работу, а Сон…

– И вот под Новый год к нему приходит незнакомец и обещает претворить в жизнь все его мечты. Все! А взамен просит…

– Душу, – равнодушно проронил Ал.

Внутри Филипа все взвилось, перевернулось и схватило Сона за горло. Это было уже слишком! Эти двое тянули до последнего, не могли найти времени, чтобы собраться, – с тех пор, как закончили «Снежинку и Музыканта», то есть уже больше полугода! Они, наверное, думают, что торговая марка «Сведен, Сон и Фальски» обеспечит им спокойную жизнь до глубокой старости, – а между тем, если сорвется «Жизнь и мечта», это будет их последний контракт. Интересно, тогда Альберт тоже будет безмятежно ронять насмешки, протянув ножищи вдоль камина?

Он на мгновение стиснул в ниточку губы, а затем продолжил ровным голосом:

– В литературе не так уж много тем, Ал. Джо тебе скажет, сколько именно. Талант писателя или драматурга в том и заключается, чтобы заставить вечную тему зазвучать по-новому. Значит, так…

– Не психуй, старик, – перебил Альберт. – Меня другое интересует: как это практически?

– Что?

Альберт Сон встал, в одну секунду сделавшись гораздо убедительнее, да еще потянулся всем телом, задрав длинные ручищи.

– Объясни мне, Фил, – он смотрел на него чересчур сверху. – Каким образом этот самый незнакомец собирался исполнять мечты того парня. Чисто технически: как? Прости, но я пока что не понимаю. Я подумаю, конечно…

Филип бессильно застонал сквозь зубы. Это повторялось каждый раз, от «Мужа» до «Снежинки». Как это делается, как практически… пока Альберт не объявлял, что во всем разобрался, пьеса не рождалась. Никогда, даже если Сведен и Фальски за его спиной сговаривались не обращать внимания на эти глупости. Не получалось, не писалось, даже не вымучивалось, – и они покорно ждали результатов эмпирических изысканий Ала. Но тогда было время – время! – которого теперь катастрофически не хватало…

– Это неважно, Ал, – он старался, чтобы голос звучал безапелляционно, чего было трудно добиться, находясь где-то внизу. – Театр, как ты знаешь, – условное искусство. Есть масса постановочных фокусов, которые придадут эпизоду сценическую достоверность. Да что я объясняю, ты же у нас заканчивал режиссерские курсы! Кроме того, может, я неясно выразился, но воплощение в жизнь мечты в данном случае не стоит воспринимать конкретно, это просто символ…

Альберт Сон заложил руки за спину и беспокойно заходил по комнате, меряя ее из угла в угол гигантскими шагами. Творческий процесс пошел. Только Фальски отнюдь не был уверен, что его это радует.

– Живой пюпитр Музыканта в «Снежинке» – тоже символ, – горячо заговорил Альберт. – Но если бы на самом деле его не было, спектакль получился бы

мертвым, можешь мне поверить!

Мерзкая железка высунулась из спальни и тут же юркнула обратно.

Филип передернул плечами. Идея с живым пюпитром, – не рояль, не скрипка и не дирижерская палочка, что было бы банально, а именно пюпитр, – возникла у него, у кого же еще. Разумеется, на сцене бутафорское устройство на шарнирах приводилось в движение с помощью невидимых нитей, как марионетка, что вполне устраивало зрителей. Уже после премьеры, зайдя к Альберту отпраздновать это событие втроем, по-домашнему, они с Джозефом были встречены в дверях этим… аппаратом?… существом?…

– Зрители не полные идиоты, – все больше распаляясь, продолжал Ал. – Они никогда не поверят в то, что в принципе невозможно…

До сих пор молча глядевший в камин Сведен вдруг заерзал и вскинул голову.

– Невозможно, – подтвердил он.

– Что?

Джозеф тоже встал.

– Это невозможно, я заранее предупреждаю, чтобы потом не было претензий. Я не напишу. За неделю… да вы с ума сошли оба. Сейчас такое время… контрольные, сочинения, диктанты… педсоветы постоянные… Конец триместра, вы это понимаете?!

Я кого-нибудь убью, обреченно подумал Фальски. Если не одного, то другого. Если не прямо сейчас, то через несколько минут. Если они и дальше…

Он поднял глаза и пересекся взглядом с Альбертом Соном.

Ал кивнул.

Шагнул к камину и, раскинув длинные руки, обнял обоих соавторов за плечи.

– Мы все всё понимаем. Так что хватит болтать и давайте работать, – он сел, открыл ноутбук, взглянул поверх него на стенные часы и добил Филипа лаконичной фразой:

– Потому что в семь часов меня ждут.

* * *

Она так и сказала Старику: меня ждут. Оделась и ушла под восхищенными взглядами Рокси и Вероники. В конце концов, формально у него не было никаких прав ее задерживать. А неформально… да ну его, не в первый и не в последний раз она портила отношения с главным редактором.

Гораздо хуже, что ее никто и нигде не ждал.

Шел снег – не густая горизонтальная метель, как вчера, а мягкий, пушистый, плавно планирующий на замшевую перчатку большими резными снежинками. Сквозь снежную сетку весело светился разноцветными огнями центральный проспект. Большинство магазинов уже украсили витрины новогодней атрибутикой – на взгляд Лары, рановато, но все равно приятно для глаз. Она подошла к одной витрине, где посыпанный блестками белый зайчик регулярно подавал Снегурочке большой стеклянный шар, но в тот момент, когда Снегурочкина рука соприкасалась с заячьей лапкой, хмурый Дед Мороз поворачивал через плечо бородатую физиономию, и зайчик предусмотрительно отдергивал подарок. А шарик вертелся на серебряной нити, отражая смеющуюся Лару в белой шубке.

Что может быть лучше – вот так гулять под снегом, глазеть на витрины и потихоньку проникаться этим призрачно-радостным новогодним настроением. Когда все вокруг чуть-чуть ненастоящее, сверкают лампочки и гирлянды, а навстречу идут счастливые, поголовно счастливые люди, и все они видят тебя: юную, неотразимую, улыбающуюся, заснеженную и на высоких каблучках. Походка становится легкой-легкой, и можно вообразить, что тебя действительно ждут в двух шагах впереди, за прозрачной белой пеленой, что вот-вот все переменится и станет немыслимо замечательно…

Самый предательский праздник – Новый год.

И самое страшное в такой вечер – возвращаться домой.

На противоположной стороне улицы вывеска кинотеатра «Красное и черное» мигала то красными, то почему-то зелеными лампочками. Чуть ниже светились одновременно и красными, и зелеными огнями четыре огромные цифры Нового года. Но афиш с названиями фильмов отсюда не разглядеть из-за снега. Лара решила прогуляться до конца проспекта, а потом перейти на другую сторону и вернуться к кинотеатру. Если идет что-нибудь стоящее, можно и посмотреть, – в кино она не была года четыре, если не считать аккредитаций на премьеры. А потом, после фильма, – это будет уже часов десять-пол-одиннадцатого, – неплохо бы пойти в ночное кафе, такое, где чашечка кофе стоит, как недорогая шляпка. И закатить феерическую оргию, достойную этого вечера, и вовсе не нужно, чтобы кто-нибудь тебя ждал…

А вдруг? В такой вечер все может быть.

Вернее, в такой вечер кажется, что все может быть.

В конце концов, нужно только пережить этот мимолетный фантасмагорический промежуток времени, оставшийся до Нового года. Потом будет легче. Потом начнется обыкновенная зима.

На пути Лары внезапно возник миражом сказочный теремок театральной кассы. Что ж, посмотрим, что нам предлагают сегодня столичные театры. Это на тот случай, если в «Красном и черном» крутят безнадежную ерунду. Ходить в театр в одиночку – довольно грустное занятие. Кассирша и гардеробщик, швейцар и продавщица программок, – все смотрят на тебя с тайным сочувствием, словно девушка, за спиной которой не маячит джентельменистый пиджак, – существо несчастное и обиженное природой. Передышка на спектакль, – темнота в зрительном зале уравнивает всех, – а потом… антракт. Антракты придумали для тех посетителей, которым театр как вид искусства глубоко безразличен, а нужен мужчинам в качестве места выгула дам, а дамам – вечерних платьев. Вся эта публика либо устремляется в буфет, либо светски дефилирует по коридорам и лестницам, оживленно болтая и флиртуя, а ты слоняешься между ними, для приличия разглядывая фотографии актеров на стенах. Ты – и еще две-три молодящиеся старушки-театралки. Впору и самой почувствовать себя глубоко старой.

Так что Лара остановилась у кассы исключительно из любопытства. Снежинки садились на стекло напротив какого-нибудь «Тартюфа» или «Укрощения строптивой» и, чуть помедлив на классике, сползали вниз бесформенными мокрыми комочками. А вдруг сейчас за спиной послышится вкрадчивый голос: «Вы любите театр? Разрешите пригласить вас на…» А что, она бы пошла. И не секунды не чувствовала бы себя чем-то обязанной. А дальше… мало ли что могло бы случиться дальше…

– Вы любите театр?

Отражение в стекле было высоким, темным и неясным, и на нем контрастно высветилось белое пятно ее шубки. Не оборачиваться. Потому что, – не в первый же раз! – если обернуться, невероятная сказка тут же исчезнет.

Лара обернулась.

Мальчишка оказался совсем молоденьким, лет семнадцати, длинным, худющим и прыщеватым. Нахальные маленькие глазки, толстые губы в морозных трещинах и дешевая папироска в углу рта.

Лара сузила глаза и ответила холодно и уничижительно:

– Люблю, но к вам это не имеет никакого отношения.

Если немедленно отойти от кассы, пацан мог бы расценить это как бегство и, чего доброго, увязаться следом. Поэтому она только сделала несколько шагов в сторону и завернула за угол театрального теремка. Вот так всегда. Какой-нибудь переросток спугнет романтическое настроение, и огни проспекта начинают светить тусклее, и снег тает, налипая на сапожки, и в кино хочется все меньше и меньше… И вообще: может быть, домой?…

По эту сторону кассы за стеклом висела только одна афиша. Большая, аляповатая, помпезная. «Спешите взять билеты! Новогодняя премьера! Сведен, Сон и Фальски. «Жизнь и мечта».

Еще и это! Вечер безнадежно потерял всякую привлекательность. Мокрый снег сыпал прямо в лицо, размывая тушь на ресницах, порыв промозглого ветра

проник в рукава, и Лара со вздохом прикинула расстояние до метро. Все на свете несправедливо, ты чужая на празднике жизни, к тому же и праздника никакого нет и в помине.

Сегодня утром она положила на стол Старика неплохую корреспонденцию на двести полновесных строк, где нашли свое место и шуточки Сона с Фальски, и личные откровения Артура Клариджа, и восторженные, с рекламным привкусом, эскапады директора театра. Словом, все, что можно было выжать с той проклятой прессухи. Старику материал понравился, – а как же иначе, все-таки она Лара Штиль, и она легла спать в полчетвертого, – Старик поставил его в номер подвалом на третью полосу, и все было бы нормально. Если бы уже вечером только-только заявившаяся в редакцию Вероника не протянула сладким голоском, – в присутствии Старика, конечно: «Лара, дорогая, а я видела тебя по телевизору! Во всех новостях показали, как ты берешь интервью у того высокого… у Альберта Сона!»

Перед этим Вероника успела, разумеется, одним глазком взглянуть на гранки уже ушедшего в типографию номера.

Старик ледяным голосом предложил Ларе выйти, – но, как обычно, никуда не вышел, а прямо в отделе сорвался и устроил ей разнос минут на двадцать пять, не меньше. После чего приказал немедленно садиться за компьютер разбирать сообщения информагентств, поскольку ни на что другое она, Штиль, патологически не способна.

Было бесполезно напоминать ему, что она пришла на работу в девять утра, сдала им же одобренный материал, написала четыре заметки по материалам агентств и съездила на заказное интервью к министру культуры. Бесполезно жаловаться на вероломство драматурга, бессонную ночь и металлических мух перед глазами. И выдернуть пару пучков мелированных волос Вероники тоже бесполезно, – а жаль.

Лара подождала, пока словарный запас Старика исчерпается, коротко сказала «меня ждут», оделась и ушла.

Хотя на самом деле никто и нигде ее не ждал.

Становилось все холоднее. Она засунула левую руку за пазуху шубки, а в правой была сумочка, и пальцы уже навряд ли когда-нибудь добровольно разогнутся и отпустят ручку. А метро располагалось в самом конце проспекта, туда еще топать и топать, и было странно вспомнить, как полчаса назад она собиралась запросто прогуляться из конца в конец, чтобы вернуться к кинотеатру. Шарфик сполз, открывая голую шею, поправить его без зеркала вряд ли бы удалось, и Лара, с сожалением вынув из-за пазухи руку, прижала к подбородку меховой воротник. Вид, наверное, как у мокрой ощипанной курицы на снегу.

И наплевать.

Слева вдруг пахнуло теплом с крепким запахом кофе. Лара остановилась. В этих помпезных забегаловках в центре города кофе стоит, как вполне приличные перчатки. В то время как дома она может выпить его совершенно бесплатно… часа через полтора, не раньше.

Ну хорошо. В счет гонорара за ту несчастную корреспонденцию.

И ей было совершенно все равно, как называется это кафе, который теперь час и врал ли ей высокий человек со светлой бородкой и хитро прищуренными глазами, пообещавший, помнится, ждать.

* * *

Он сказал, что придет вовремя, и на том конце провода Марша серьезно пообещала ждать.

Франсис повесил трубку и откинулся в кресле. Собственно, на сегодня работа закончена, и все об этом знали. Кроме Вик, естественно.

Последнюю сегодняшнюю пресс-конференцию давал Склавиньский, известный скандалист, попиратель авторитетов и осквернитель национальных святынь. Накануне Вик страшно переживала, что его очередное шоу для журналистов может выйти за рамки приличий и плавно перетечь в безобразное рукоприкладство. А ей вполне хватило вчерашней давки из-за билетов, – сдержанно повторяла начальница, балансируя на грани срыва и наводя тем самым ужас на сотрудников. Девушку, промедлившую с объявлением об

аккредитации, Вик чуть было не уволила, – и уволила бы, если б не Франсис. Он единственный в пресс-центре умел находить пути к спрятанному за железной броней нежному женскому сердцу шефини.

Но все прошло нормально. Склавиньский уже порядком поднадоел публике, и на столе перед ним даже через четверть часа после официального начала конференции выстроилось всего три диктофона и обшарпанный микрофон допотопной телекамеры местного канала. Журналисты тоскливо поглядывали в окно, отчаявшись услышать что-нибудь жареное или хотя бы новое, а телевизионщики вообще смылись через двадцать минут. Чего ж ты хотел, парень, – подумал Франсис, провожая Склавиньского после прессухи к выходу, – святыни и авторитеты рано или поздно должны были закончиться. Особенно если целых полгода так интенсивно их попирать и осквернять.

Проводив гостя, Франсис позвонил Марше, а затем достал из ящика письменного стола пачку газет. Газеты были вчерашние, но в одной из них он еще утром приглядел большой, на всю последнюю полосу, кроссворд. Сражение с этим монстром должно было с пользой убить оставшиеся полтора часа рабочего времени.

– Господин Брассен, чем это вы тут занимаетесь?

Франсис вскинул голову, – конечно же, над ним стояла незаметно подошедшая – подкравшаяся? – Вик. Она же – генеральный директор пресс-центра госпожа Викторина Хиггинс.

– Просматриваю прессу, госпожа Хиггинс, – как ни в чем не бывало ответил Франсис, правой рукой виртуозно переворачивая газету первой полосой вверх, а левой неотразимо поглаживая усы. Вик должна растаять, или он теряет квалификацию.

Вик растаяла и даже улыбнулась.

– Шел бы ты домой, Франсис, – внезапно посоветовала она, и девушки за соседними столами резко повернули головы, как если бы в офис вошел одетый в пижаму Артур Кларидж. Франсис и сам крайне удивился, но упускать момент было бы глупо и не по-джентльменски.

– Как скажете, госпожа Хиггинс, – учтиво ответил он, вставая. И добавил негромко и по-человечески:

– Хорошо, что со Склавиньским обошлось.

Начальница кивнула и вышла из офиса. Для ее возраста у нее была очень даже неплохая фигура, особенно ноги. Особенно со спины.

Франсис спустился на улицу и направился к пресс-центровской стоянке. На машину уже навалило толстое одеяло снега, хотя по идее его должны были регулярно счищать подрабатывающие тут мальчишки. Он натянул перчатки и принялся смахивать снег с гладкого темно-вишневого корпуса.

Машину подарила Марша. Вернее, родители Марши – на свадьбу, – но идея была ее. И теперь все свои карманные деньги она неизменно тратила на подарки мужу, хотя Франсис неоднократно пытался раз и навсегда авторитарно запретить ей это. А теперь вот жена решила устроиться на работу, – так что платиновые авторучки и эксклюзивные галстуки от ведущих модельеров посыплются на него сплошным потоком, хочет он того или нет. Пухленькая глупышка Марша. Франсис улыбнулся. Надо же – если бы он тогда не начал ухаживать за ней назло длинноногой красотке-вамп по имени Линда, редкой, кстати, стерве и шлюхе, – мог бы за здорово живешь пропустить свою женщину. Свою. Единственную.

Снежинки плавно кружились в воздухе, мягко опускаясь на только что очищенный капот. Франсис открыл дверцу и, облокотившись на нее, посмотрел вдаль. Улица, где располагался пресс-центр, перпендикулярно выходила на центральный проспект, и сквозь снежную сетку просматривался отрезок освещенной разноцветными огнями праздничной жизни вечернего города. Жизни, к которой Франсис со времени женитьбы не имел никакого отношения.

Он взглянул на часы. Всего лишь половина седьмого.

И в самом деле, – Франсис запустил двигатель, выехал со стоянки и двинулся на заснеженный маяк проспекта, – за все это время ему ни разу не пришлось выбраться в город без Марши. Короткие вылазки из пресс-центра по мелким личным поручениям Вик не в счет. Вечерами же он неизменно торопился с работы домой по кратчайшему расстоянию между двумя точками, – это было уже

на уровне условного рефлекса, который Марше удалось выработать у мужа в сжатые сроки: горячими ужинами и тщательно скрываемыми слезами в роли пряника и кнута. Иногда по выходным Франсис и Марша отправлялись в центр вдвоем, гуляли по проспекту, разглядывали витрины, сидели в кафе, изредка ходили в кино или театр. И очень здорово проводили время, – впрочем, с Маршей было здорово всегда и везде, с ней, по большому счету, и выходить никуда не нужно было, с такой теплой, уютной, домашней… На черта ей сдалась эта работа?

На проспекте Франсис остановил машину и вышел. Кружились разноцветные снежинки, мигали огни, играла музыка. И в обоих направлениях двигались неторопливо или поспешно, сутулясь или покачивая бедрами, пленительно улыбаясь или внимательно глядя под ноги, – женщины.

Много женщин.

Юных девушек, красавиц, толстушек, натуральных блондинок, топ-моделей, учительниц, крашеных брюнеток, молодых мам, проституток, дам в возрасте, неформалок, спортсменок, бизнес-леди, девчонок, феминисток, снова красавиц…

Черт возьми!

Ладно, – уговаривал себя Франсис, – разумеется, он женатый человек, разумеется, ровно в восемь он будет дома. Раньше просто не имеет смысла, – ведь бедняжка Марша, чего доброго, кинется жарить ему яичницу, не слушая уверений, что муж способен поголодать минут сорок в ожидании какого-нибудь фаршированного судака или кнедликов по-варшавски. Конечно, нужно признать, что и яичница у нее выходит потрясающе вкусная… но зачем такие жертвы? В восемь – значит в восемь. Как раз пройтись туда и обратно по проспекту. Без жены, в чем есть своя ностальгическая прелесть.

Кстати, – пусть вредный комплекс вины спрячется подальше в подсознание и не высовывается, – на том конце проспекта есть ювелирный магазин. Почему бы не купить Марше какую-нибудь безделушку? Не на Новый год, а просто так. На случай, если сегодня молодой жене снова взбредет в голову, что он ее больше не любит. Марше взбредало это в голову довольно часто по самым мелким поводам, а то и вовсе без таковых: не похвалил ужина, забыл позвонить с работы или вот как вчера: не выслушал, отмахнулся, спеша уладить конфликт в

конференц-зале. А потом слезы, и хорошо, если в открытую, гораздо хуже заставать жену среди ночи беззвучно плачущей в подушку. Глупенькая. Кого же я, по-твоему, люблю?

Прямо перед Франсисом шла девушка в короткой белой шубке и пушистом ангорском берете, еще более белом. Стройненькая, держится прямо, сапожки с белой оторочкой на высоких каблучках… и ножки! Ножки что надо, не придерешься. Когда-то у Франсиса с Полем была игра: слоняясь по проспекту, высматривать барышень и находить в них недостатки. Один высматривает, другой критикует, и наоборот. Побеждал тот, в чьей даме друг не сумел найти серьезных изъянов… хотя на практике, учитывая острый язык Поля и наметанный глаз Франсиса, никто никогда не побеждал. Просто, когда игра надоедала, оба находили очередных кандидаток безупречными и, согласно правилам, шли знакомиться. Иногда, – не всегда, врать не будем, – вечер заканчивался еще веселее, чем начинался.

И где теперь Поль? Да и не только он, практически все друзья постепенно растворились в пространстве, потеряв интерес к женатому Франсису…

Барышня в белом со спины была очень даже ничего. Конечно, по настоящему оценить фигуру зимой на улице не представляется возможным, но в данном случае вероятная ошибка держалась в пределах статистической погрешности, как выразился бы Поль. Франсис усмехнулся. Наверное, это старость: играть самому с собой в исконно мужские игры. Ну-ну, старость наступит тогда, когда для игры не будет нужна и женщина. А пока что… Он пригладил усы рукой в перчатке. Надо посмотреть, как у нашей красотки с лицом.

На этот счет тоже были свои правила. Забегать вперед женщины, чтобы взглянуть на ее физиономию, – несколько странно выглядит со стороны да и попросту невежливо. Она должна обернуться сама, уловив затылком мужские флюиды… или по другой причине, не важно. Допускалось использование зеркальных витрин, но сейчас они все, как назло, были увешаны шариками, гирляндами и прочей новогодней атрибутикой. В дробных островках зеркал не получалось даже отыскать объект, не то что по-настоящему разглядеть. Оставалось только следовать за незнакомкой, посылая ей эти самые флюиды, чем Франсис и занялся. По-человечески интересно: есть ли еще порох в пороховницах?

Внезапно белая шубка резко свернула налево и скрылась за светящейся дверью, – профиль мелькнул слишком быстро, чтобы его рассмотреть. Франсис поднял голову к неоновой вывеске. «Плезир», надо же.

Ностальгические воспоминания нахлынули сплошным потоком. В этом заведении когда-то мы с Полем и прочими друзьями… Чаще, конечно, не только с друзьями, но Марше он об этом не говорил. Впрочем, ей все равно тут не понравилось: в «Плезире» разрешалось курить, да и официантки то и дело, забываясь, обращались к Франсису на «ты». К тому же «Плезир» без особых усилий мог за один вечер поглотить целиком менеджерскую зарплату. В прежние времена и такое случалось. В прежние времена…

Франсис помедлил перед дверью, проводя мысленную ревизию в своем бумажнике. Да, положение дел таково: либо подарок Марше, либо коньяк и кофе на двоих в «Плезире». Ведь если барышня окажется выше всякой критики, по правилам игры придется с ней знакомиться, а знакомство в таком месте обязывает…

Выпить кофе с коньяком, взять телефончик, – потом бумажку можно будет ненавязчиво отдать на милость снега, – и ровно к восьми вернуться домой. Последнее Франсис знал абсолютно точно. Уж тут он был в себе уверен.

Кстати, может быть, она не такая уж красавица, – тогда он с чистой совестью повернется и потопает в ювелирный. Риск – неотъемлемый компонент игры.

Мужской игры.

Швейцар в пурпурном мундире с золотыми позументами широко распахнул дверь, и сомнения так или иначе пришлось отбросить. Швейцар был уже другой, помоложе и выше на целую голову. А гардеробщик тот же самый – пожилой негр со скорбной физиономией.

Когда Франсис вошел, негр как раз принимал белую шубку и еще более белый берет у худенькой старушки в коротком фиолетовом платье, обтягивающем совершенно плоскую, хотя и стройную старушечью фигурку. Волосы у дамы были тоже фиолетовые или, скорее, нежно-сиреневые, под цвет тонких капроновых перчаток. А ножки ведь действительно, черт возьми, ничего!

Пожилая леди заметила внимание Франсиса, – не каждый день, наверное, на нее с идиотским видом пялятся годящиеся во внуки молодые люди, – и одарила его ослепительной улыбкой, сверкнув свежевставленными жемчужными зубами.

Вот тут-то он и расхохотался.

Не в голос, разумеется, и не во весь рот, – снаружи все выглядело вполне невинной улыбкой в глубине усов, – но на самом деле это был хохот, да еще какой! Более чем громовой, более чем саркастический. Мои поздравления, господин Брассен!

Бабулька проскользнула в зал, напоследок стрельнув в сторону Франсиса ярко-фиолетовыми – какими ж еще? – глазами. Печальный негр за гардеробной стойкой вопросительно уставился на него, и Франсис вдруг обнаружил себя в зеркале напротив стягивающим с плеч замшевую куртку. В конце концов, интересно же, что делать этой древней старушенции в таком месте! Поль, будь он здесь, непременно бы полюбопытствовал. И еще он, вдоволь нахохотавшись, объявил бы во всеуслышание: «Вот что делает с людьми женитьба!» Хорошо хоть, что Поля здесь нет.

Жалко, что Поля здесь нет.

Девушка в серебристом платье пела нежную неаполитанскую песню, и на потолке мягко мерцали крупные неаполитанские звезды. Девушка была уже не Анни, другая, а песня и звезды те же самые. В такое время «Плезир» еще почти пустовал; два-три столика занимали парочки, а остальные, сервированные бокалами и рюмочками богемского стекла, поблескивая, дожидались посетителей. У самого входа струйка сигаретного дыма очерчивала тонкий луч прожектора, ответственного за звезды на потолке. А старушка словно провалилась, и, оглядывая салон в ее поисках, Франсис автоматически поздоровался с человеком, пускающим дым. В прежние времена само собой разумелось, что он знал в лицо всех завсегдатаев «Плезира» – только в лицо, ближе по негласному правилу никто ни с кем не знакомился, в «Плезире» каждый имел право на уединение. Впрочем, Франсис и в прежние времена искал тут чего угодно, но не одиночества. В прежние вре…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dubinyanskaya_yana/final-novogodney-p-esy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити